

Юрий Федоров

АФГАНИСТАН В НОВЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ЕГО СОСЕДЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?

Вывод из Афганистана основной части Международных сил содействия безопасности (МССБ) остро ставит вопрос: как это скажется на положении в Центрально-азиатском регионе¹. Определенного ответа на него нет.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Заметное распространение в академических, политических и военных кругах получили алармистские оценки, предполагающие, что сокращение МССБ почти автоматически повлечет за собой приход Талибана к власти в Афганистане, создание в его северных провинциях плацдарма для вторжения террористических группировок в Центральную Азию и ее дестабилизацию. Особое значение в последние месяцы придается сообщениям о том, что Исламское государство (ИГ) собирается включить Центральную Азию в будущий халифат и что эти намерения были поддержаны некоторыми фигурами в исламистских кругах Афганистана и Пакистана².

На другом полюсе — менее пессимистические предположения: даже если талибы поставят под контроль северные провинции Афганистана, что само по себе проблематично, они не пойдут на вторжение в Центральную Азию, стабильность которой зависит от процессов, происходящих в самом регионе. Джихадистские устремления, типичные для ИГ, считают сторонники этой точки зрения, отнюдь не свойственны афганским талибам, которые в подавляющем большинстве стремятся лишь к построению шариатского государства в своей стране и мало заинтересованы во внешней экспансии.

В российском истеблишменте доминируют пессимистические оценки. Предполагается, что базирующиеся в Афганистане исламистские формирования намерены свергнуть нынешние режимы в Центральной Азии и создать там, прежде всего в Ферганской долине, шариатское государство. В итоге *пояс безопасности*, отделяющий сегодня Россию от Афганистана и других зараженных экстремизмом районов Юго-Западной Азии, превратится в зону, где накапливаются угрозы российским интересам. «Происходящие сегодня в Афганистане процессы оказывают значительное влияние на обстановку в регионе, — утверждал министр иностранных дел С.В. Лавров, — тем более что находящиеся на севере ИРА этнические узбекские и таджикские группировки экстремистской и террористической направленности уже готовят планы по проникновению на территории центральноазиатских стран». Это, подчеркнул С.В. Лавров, создает опасность дестабилизации Центральной Азии, которая «напрямую затрагивает национальную безопасность России»³. В российских доктринальных документах подчеркивается, что «недопу-

шение дестабилизации обстановки в Центральной Азии», а также нейтрализация угроз, связанных с международным терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком, транснациональной преступностью и незаконной миграцией, «исходящих с территории Афганистана», относятся к *первостепенным задачам* российской внешней политики⁴.

Альтернативная точка зрения, распространенная среди части российских и зарубежных экспертов, сводится к тому, что, преувеличивая исходящие из Афганистана угрозы, Москва рассчитывает упрочить политический контроль над Центральноазиатским регионом. Так, один из ведущих российских экспертов А.В. Малащенко пишет: «Собственно экономическая ценность Центральной Азии для России не особенно высока, она определяется прежде всего заинтересованностью в транзите энергоресурсов. Главная цель Москвы в регионе — создание (или воссоздание) зоны своих особых интересов, *сателлизация* бывших советских республик и, по возможности, ограничение влияния внешних *акторов*, в первую очередь США и Китая»⁵.

Российские официальные круги обходят вопрос об источниках нестабильности, существующих внутри центральноазиатских стран, не желая, вероятно, упоминать проблемы, вызывающие болезненную реакцию правящих там режимов. К их числу относятся потенциальные *кризисы престолонаследия* в Казахстане и Узбекистане — характерное для авторитарных режимов резкое обострение внутриэлитных противоречий в период смены власти, если не удастся согласовать фигуру преемника нынешних высших руководителей этих стран.

Академические эксперты обычно говорят о двух группах угроз: внутренних, порожденных нерешенностью социально-экономических проблем, неэффективностью политических институтов, наркотрафиком, неясностью преемственности высшей власти в Узбекистане и Казахстане, обостряющимися противоречиями из-за распределения воды и распространением радикальных форм ислама, и внешних. Среди последних — угрозы, вызываемые возможной дестабилизацией Афганистана.

«Остаются старые и появляются новые вызовы безопасности региона. Серьезную озабоченность по-прежнему вызывает возможность внутривнутриполитической дестабилизации, связанная главным образом с отсутствием прозрачной системы преемственности и сменяемости руководства. Отдельный комплекс рисков связан с обострением борьбы за власть и ресурсы в Афганистане после вывода войск международной коалиции, что угрожает безопасности Центральной Азии, порождая одновременно ряд проблем, связанных со взаимодействием государств региона с Россией в рамках существующих военно-политических и интеграционных структур СНГ», — писали, например, специалисты, близкие к российскому МИДу и другим государственным ведомствам⁶.

В академических кругах США и Европы интерес к Центральной Азии сравнительно невелик, что может отражать незначительную роль этого региона в стратегических приоритетах Запада. Американские и европейские аналитики основное внимание уделяют Афганистану. Это понятно: операция *Enduring freedom/ISAF* и война 2003–2011 гг. в Ираке представляли собой крупнейшие военно-политические проекты США и в известной мере евроатлантического сообщества в целом. И хотя о результатах *афганского проекта* в полной мере говорить пока рано, выводы, которые будут сделаны по его итогам, будут иметь стратегическое значение, далеко выходящее за пределы Юго-Западной и Центральной Азии.

В частности в США и Европе могут прийти, или уже пришли, к заключению о бесперспективности и ненужности многолетних военных операций и затрат многих сотен миллиардов долларов, нацеленных на стабилизацию неспокойных районов третьего мира. Несмотря на колоссальные усилия США и их союзников, операции в Ираке и Афганистане не достигли, по крайней мере полностью, поставленных

перед ними целей. В свете этого, как бы ни развивались события в Центральной Азии, ожидать активного вмешательства в них США и европейских государств не приходится.

Тем не менее, поскольку в Афганистане останется после 2014 г. около 12,5 тыс. американских войск, этот регион сохранит, хотя и в меньших масштабах, чем сегодня, свою роль территории, через которую проходят основные коммуникации и линии снабжения американских сил. Среди западных экспертов нет единой точки зрения о влиянии предполагаемых событий в Афганистане на Центральную Азию. Так, Тэд Доннелли, командующий региональным командованием МССБ «Север», считает, что после 2014 г. Ферганская долина будет все более напоминать Федерально-управляемые племенные территории (ФАТА) на севере Пакистана. «Подобно ФАТА, говорит Тэд Доннелли, в будущем Ферганская долина будет представлять собой неуправляемое пространство, служащее убежищем и питательной средой для жестоких экстремистских организаций и боевиков, где они будут возникать и набираться сил. Исламское движение Узбекистана и другие экстремистские группировки будут использовать это убежище и тыловые районы в Афганистане, для того чтобы усилить давление исламистских повстанцев на светские правительства Центральной Азии»⁷.

Другие исследователи придерживаются менее алармистских взглядов и полагают, что возможная дестабилизация в Афганистане не окажет существенного влияния на положение дел в соседних государствах, а основную опасность представляет обострение в странах Центральной Азии экономических и социально-политических проблем. Оно может привести к появлению там районов, находящихся под контролем радикальных исламских групп, служащих убежищем террористических организаций. Обсуждается, соответственно, что могут и должны ли делать США и ЕС, чтобы стимулировать в Центральной Азии экономический рост, повысить благосостояние населения и предотвратить нарастание социально-политической напряженности.

В Центральной Азии признают существование угрозы, связанной с потенциальным проникновением исламского экстремизма из Афганистана. Наиболее остро ее воспринимают в Таджикистане и Киргизии, а в последние месяцы — в Туркменистане⁸. Эти страны в первую очередь являются потенциальными жертвами

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЗАМИР КАБУЛОВ:

Нестабильный Афганистан, на территории которого воюют исламисты, неизбежно повышает риски в Центральной Азии, прежде всего в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии. Чем менее экономически и социально стабильна республика, тем выше риск. Мы обеспокоены как общей ситуацией в Афганистане, так и большой концентрацией боевиков, исламистов на севере, особенно северо-востоке страны. Там за последние 3–4 года на порядок увеличилось количество боевиков (с 1000 до 7–8 тыс. боевиков), в том числе переселившихся из лагерей с пакистанской территории; *Исламское движение Узбекистана* себя здесь также активно проявляет. Массовых случаев инфильтрации на территорию Таджикистана не наблюдается, однако процесс идет. Они небольшими боевыми группами проникают в Таджикистан, участвуют в беспорядках (эти боевики, в частности, были причастны к недавним событиям в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана). Знаем, что они уходят в другие области Таджикистана, в Киргизию. Пока сами по себе они не являются силой, которая может представлять угрозу стабильности режимов в этих странах, но они могут стать катализаторами кризисных явлений.

США уйдут из Афганистана,
чтобы усилить присутствие в АТР.
Индекс Безопасности. № 3–4 (102–103).
Осень-Зима 2012. С. 16-17.

А
Н
А
Л
И
З

интервенции экстремистских группировок. Менее уязвимыми, хотя и по разным причинам, считаются два других государства Центральной Азии — Казахстан и Узбекистан.

В экспертных и правительственных кругах центральноазиатских государств существуют различные оценки масштабов, характера и механизмов реализации этой угрозы. Так, ведущие таджикские специалисты в области международной безопасности Музаффар и Саодат Олимовы подчеркивали, что, несмотря на вероятное обострение ситуации в Афганистане после вывода большей части иностранных войск, «непосредственная опасность вторжения талибов странам ЦА уже не грозит, так как НАТО сохранит свое военное присутствие в Афганистане и после вывода войск, намеченного на 2014 г.»⁹.

Расходятся мнения относительно того, в чем, собственно, состоят негативные последствия нестабильности в Афганистане для центральноазиатских стран. Одни сводят их к необходимости выделить крупные дополнительные ассигнования для улучшения охраны границ и укрепления правоохранительных ведомств и вооруженных сил, что осложнит экономическую ситуацию. Другие полагают, что прорвавшиеся из Афганистана группы боевиков могут стать триггером, инициирующим антиправительственные выступления. Третьи видят главную угрозу в нарастании наркотрафика и, соответственно, росте влияния связанных с ним преступных кругов и коррумпированной бюрократии. При этом далеко не всегда можно различить, в какой мере тезис об угрозе исламского экстремизма отражает действительные опасения, связанные с джихадистскими группировками, а в какой муссируется правящими кругами стран Центральной Азии для оправдания репрессий против оппозиции.

Таким образом, единой устоявшейся точки зрения на влияние ситуации в Афганистане после сокращения там иностранных войск на положение дел в Центральной Азии нет. Соответственно, необходимо найти ответы на конкретные вопросы. По каким сценариям и маршрутам может произойти потенциальное вторжение исламских экстремистских сил в Центральную Азию? Какие группировки могут осуществить его? Какими силами они располагают? Способны ли они бороться с силами безопасности центральноазиатских государств? Получат ли они поддержку региональных и локальных лидеров, контролирующих северные районы Афганистана? И возможен ли новый приход к власти в этой стране талибов, которые могут поддержать джихадистские группировки?

АФГАНСКИЙ ФАКТОР

После разгрома талибов в 2001–2002 гг. северо-восточные провинции Афганистана контролируются группой таджикских лидеров, объединенных в зонтичную структуру Хезб-е Джамиат-е ислами Афганистани. Ее центральной фигурой является доктор Абдулло Абдулло, ставший в конце сентября 2014 г. премьер-министром Афганистана, по сути дела вторым по значению деятелем нынешнего режима. Важную роль в населенных узбеками районах провинций Тахар, Джазджан и Фарьяб играет генерал Абдул Рашид Дустум, после выборов 2014 г. первый вице-президент, опирающийся на партию Джанбеш-е Милли-и Ислами. Среди хазарейского населения весомым влиянием пользуется лидер шиитской партии Хизб-е Вахдат-е Мардом-е Афганистан Моххамед Мохаккик¹⁰. На западе, прежде всего в Герате, признанным лидером является таджик Исмаил Хан, один из самых влиятельных полевых командиров периода афгано-советской войны, получивший в то время почетное имя лев Герата. Менее определенная ситуация в провинциях Багдис и Фарьяб, где нет ярко выраженных лидеров проживающего там туркменского населения.

При всех расхождениях и соперничестве друг с другом все эти лидеры являются непримиримыми противниками талибов, имеют многолетние хорошие отношения с Ташкентом и Душанбе и никоим образом не поддержат гипотетическое вторжение на север. С учетом этого интервенция из Афганистана в Центральную Азию, способная дестабилизировать государства этого региона, возможна, если контроль над северными провинциями страны, прежде всего граничащими

Рисунок 1. Провинции Афганистана

с Таджикистаном и Узбекистаном (Бадахшан, Тахар, Кундуз и Балх) и соседними с Туркменистаном (Джазджан, Фарьяб и Бадгис), перейдет к Талибану. Особое значение имеют Кундуз и Тахар, наиболее вероятные плацдармы возможного вторжения в Таджикистан. Неслучайно в Кундузе располагались базы Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), опираясь на которые она действовала на территории Таджикистана во время гражданской войны 1992–1997 гг.

Надежд на быструю стабилизацию положения в Афганистане нет. Американское военное руководство год назад признавало, что «способность правительства Афганистана обеспечить стабильное, эффективное и ответственное перед гражданами руководство медленно улучшается, но оно сталкивается с существенными вызовами, в том числе с коррупцией на различных уровнях, неэффективным контролем выполнения программ, провалом региональных бюджетов. Плохое сотрудничество центральных и региональных властей подрывает долговременную устойчивость и общественное доверие. Ограниченные способности (сотрудников. — Ю. Ф.) бюрократического аппарата в сочетании с отсутствием у них необходимого образования и подготовки продолжают препятствовать развитию устойчивой системы власти»¹¹.

С тех пор ситуация если и улучшилась, то не намного. На севере страны находятся группировки талибов, насчитывающие в общей сложности несколько тысяч человек. В частности сотни талибов или, возможно, боевиков ИДУ действуют в уезде Вардудж в центральной части провинции Бадахшан. Талибы пользуются определенным влиянием в провинции Кундуз, где пуштуны — этническая база Талибана — составляют чуть более трети населения и чувствуют себя дискриминированными после 2001 г. В двух пограничных с Таджикистаном уездах этой провинции осенью 2014 г. имелось, по данным провинциальной администрации, около тысячи вооруженных боевиков¹².

Эти формирования доставляют немало беспокойства местным властям, однако их сил не хватает, чтобы захватить значительные территории в северных районах страны и создать там инфраструктуру вторжения в соседние государства. Такое было бы возможно в случае повторения событий второй половины 1990-х гг., однако вероятность этого крайне мала. В 1990-х гг. сменявшие друг друга афганские правительства практически не имели армии. В южных районах страны талибы вообще не встретили сопротивления и мобилизовали в свои отряды несколько десятков тысяч местных жителей. На севере им противостояли вооруженные формирования противоборствующих друг с другом группировок — Ахмад Шах Масуда,

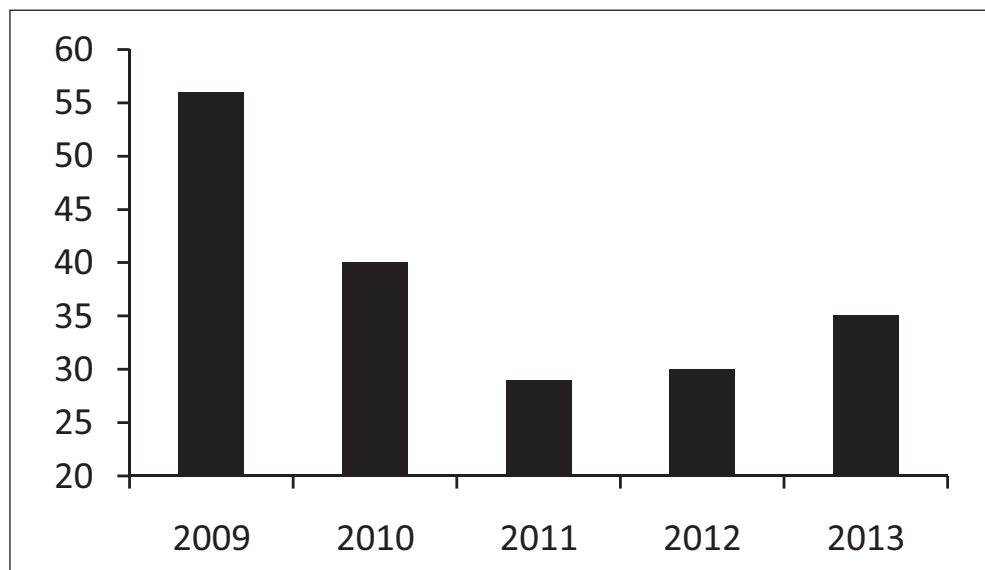
Абдула Рашида Дустума, Исмаил Хана, Барханудина Раббани и некоторых других. С большинством из них талибы расправились по одиночке, хотя захватить провинции Бадахшан, Тахар и Панджшер они не смогли.

Сегодня ситуация иная. Несмотря на соперничество двух претендентов на президентский пост — доктора Абдулло Абдулло и Ашрафа Гани Ахмадзая, осенью 2014 г. в Афганистане было сформировано правительство национального единства. Это предотвратило фрагментаризацию властных структур, армии и сил безопасности, что создало бы благоприятные возможности для Талибана. Афганские армия и полиция намного превосходят по численности формирования исламистской оппозиции. В последние 5–6 лет в отрядах талибов насчитывалось от 25 до 60 тысяч боевиков¹³. Это примерно 80% активных членов экстремистских группировок, воюющих с афганским правительством и ISAF¹⁴. В свою очередь, в 2014 г. в Силах национальной безопасности Афганистана (СНБА) состояли около 370 тысяч человек¹⁵.

Наблюдатели не отрицают слабости СНБА: низкий боевой дух, дезертирство, коррумпированность офицерского корпуса, особенно в полиции. Однако слабые места имеются и у Талибана. После 2009 г., когда наблюдался пик успехов боевиков, они понесли серьезные потери. Боевые группы талибов не смогли сорвать президентские выборы в апреле и июне 2014 г. В руководстве Талибана имеют место разногласия между прагматиками, склонными к поиску компромисса с Кабулом, и воинствующими элементами, нацеленными на войну до победного конца. Некоторые группы талибов вышли из-под контроля находящегося в Пакистане руководства¹⁶. Талибы и другие вооруженные формирования оппозиции пользуются поддержкой не более одной трети населения Афганистана.

Наконец, получение талибами, действующими на севере, крупных подкреплений из южных и юго-восточных регионов, где позиции этого движения остаются сильными, маловероятно. Для этого талибам придется перебрасывать свои отряды через районы, находящиеся под контролем правительственных сил или же населенных враждебными этническими группами. Кроме того, будут ослаблены их силы в стратегически важных районах к юго-западу от Кабула.

Доля респондентов в Афганистане, испытывающих симпатию к вооруженным оппозиционным группам, в %¹⁷

Среди многочисленных прогнозов развития ситуации в Афганистане после вывода основной части ISAF значительный интерес представляет обстоятельное исследование, выполненное высококвалифицированными американскими специалистами в Центре военно-морского анализа. В отличие от многих других аналитических материалов этот доклад содержит исходные данные и сделанные на их основании расчеты, что позволяет проверить сделанные выводы. Не вдаваясь в подробности, важно привести его ключевой вывод: «ANSF могут предотвратить превращение Афганистана в убежище для террористов, угрожающих этой стране, региону и миру в целом, если вплоть до 2016 г. их численность будет составлять 373 тысяч человек. Эти силы вряд ли смогут одержать военную победу над Талибаном, но, если они смогут сдерживать его повстанческую деятельность до 2018 г., вероятность достижения договоренности о прекращении войны увеличится»¹⁸.

Иными словами, в ближайшие 3–4 года в Афганистане сохранится нынешнее положение дел при постепенном ослаблении талибов и, соответственно, усилении их склонности к политическому урегулированию.

Наконец, хотя в Талибанах увеличивается количество таджиков, узбеков, казахов, чеченцев и других выходцев из мусульманских диаспор России и даже Европы, он остается преимущественно пуштунским движением. В начале 2010-х гг. пуштуны составляли до 93% его членов¹⁹. В то же время в этнической структуре севера Афганистана пуштуны составляют меньшинство. В целом там преобладают таджики и узбеки, в ряде местностей важную роль играют также хазарейцы, туркмены, а в восточной части Бадахшана, так называемом Ваханском коридоре — киргизы. Поддержка талибов среди непуштунских этнических групп намного меньше, чем в пуштунской среде.

СИЛЫ ВТОРЖЕНИЯ И ИХ MODUS OPERANDI

И все же нельзя исключать, что Талибан иницирует вторжение в Центральную Азию. Его руководители, правда, не понятно по какой причине, могут оказаться заинтересованными в дестабилизации положения в центральноазиатских странах или, что более вероятно, удалении под благовидным предлогом с контролируемых ими территорий отрядов слишком самостоятельных союзников.

Аналитики в большинстве своем согласны, что интервенция в этот регион, если она состоится, будет осуществлена непуштунскими исламистскими группировками. Будучи движением на 90% пуштунским, Талибан замкнут на афганскую проблематику. В случае вторжения в Центральную Азию пуштунским отрядам, лингвистически и культурно чуждым местному населению, придется действовать во враждебной им среде.

Главной силой гипотетического вторжения считается ИДУ, известное также под названиями Исламское движение Туркестана. К нему могут присоединиться Союз исламского джихада (СИД), Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), воюющие на стороне Талибана разрозненные небольшие группы выходцев из Кавказа, арабских стран, Пакистана и даже Европы, остатки формирований ОТО, отдельные группы так называемых непуштунских талибов, присоединившихся к Талибану афганских таджиков, узбеков, хазарейцев и туркмен, которые изначально не участвовали в этом движении.

ИДУ было создано во второй половине 1990-х гг., предположительно в 1996 или 1998 г. (в разных источниках называют различные даты) в Таджикистане членами узбекских исламистских организаций, возникших в 1990–1991 гг. в Намангане²⁰. В 1992–1993 гг. в результате преследования властей многие их активисты перебрались в Таджикистан и в гражданской войне воевали на стороне ОТО. В 1992 г.

из них был сформирован Наманганский батальон под командованием Джумабая Ходжиева, бывшего младшего офицера (по другим данным, то ли солдата, то ли сержанта) Советской Армии, принявшего имя Джума Намангани. Политическим руководителем ИДУ стал мулла Тахир Юлдашев, а командование вооруженными формированиями было поручено Джуме Намангани.

После прекращения гражданской войны в Таджикистане и интеграции ОТО в тамошние институты власти ИДУ оказалось в сложном положении — места в таджикских армии и силах безопасности для него не было. Бывшие союзники дали понять, что отрядам ИДУ необходимо покинуть территорию страны. В итоге в конце 1990-х гг. ИДУ перебазировало свои силы в Афганистан и в 1999 и 2000 гг. предпринимало попытки прорваться в Узбекистан, поднять восстание против режима Каримова и создать в Ферганской долине шариатское государство. Столкновения с киргизскими и узбекскими войсками завершились разгромом исламистов. Эти события, названные баткенскими, могут оказаться шаблоном, по которому будет происходить возможное вторжение из Афганистана в Центральную Азию.

После провала интервенций 1999–2000 гг. руководство ИДУ взяло курс на активное сотрудничество с Талибаном и превращение в ключевое звено создававшейся в 2000–2001 гг. в Афганистане структуры, известной как ЛИВО. Последняя должна была объединить все находившиеся там иностранные исламистские группировки, поставить их под контроль Кабула и превратить в инструмент достижения целей талибов за рубежом²¹. Летом 2001 г. ИДУ участвовало в боях против Северного альянса. По некоторым, впрочем, не слишком надежным данным, исходящим, как можно предположить, из узбекских служб безопасности, в середине 2001 г. в отрядах ИДУ в Афганистане насчитывалось до 5 тысяч человек и еще около 3 тысяч человек — в подпольных ячейках на территории Узбекистана²².

В конце 2001 г. ИДУ потерпело тяжелое поражение от отрядов генерала Дустума и американских спецподразделений²³. В это время погиб Джума Намангани. После разгрома талибов в конце 2001 г. ИДУ перебралось в зону племен на северо-востоке Пакистана. Численность его бойцов в конце 2001 г. — начале 2002 г., по разным оценкам, составляла от 500 до 1500 человек²⁴. С этого момента оно превратилось в своего рода иностранный легион Талибана, привлекая выходцев из Центральной Азии, Пакистана, России, арабских стран и даже Европы. «Основной функцией ИДУ в рамках афганской войны является интеграция в ряды вооруженной оппозиции боевиков-добровольцев из стран бывшего СССР и Западной Европы. ... Отряды ИДУ... становятся *шлюзом* для вхождения новичков в террористический интернационал Афганистана», — отмечал российский афганист Н.А. Мендкович²⁵. К концу прошлого десятилетия ИДУ смогло в известной мере восстановить свои позиции. Его численность вновь возросла и составляла, по оценкам американской военной разведки, в 2008 г. от 3 до 4 тысяч боевиков²⁶.

В очередной раз положение изменилось в 2009–2011 гг. Американские войска и афганские силы безопасности нанесли поражение талибам в южных и юго-западных провинциях и частично на севере страны²⁷. Формирования ИДУ понесли заметные потери, были уничтожены несколько его высших руководителей, в том числе в 2009 г. был убит Тахир Юлдашев, а через три года — его преемник, Усмон Одил. Нынешний лидер ИДУ, Усмон Гази, фигура малоизвестная, и его авторитет среди боевиков заметно ниже, чем у его предшественников. В 2011–2012 гг. был ликвидирован ряд региональных командиров ИДУ на севере и северо-востоке, а большая часть боевиков была выдвинута в восточную и северо-восточную части Афганистана, в том числе в пограничную с Таджикистаном провинцию Бадахшан, где успехи американских и афганских правительственных войск были заметно слабее. Предполагается, что в начале 2010-х гг. там находилось около одной тысячи боевиков²⁸. Вопрос о том, в какой мере ИДУ готово принять участие в предполагаемом вторжении в Центральную Азию остается открытым. Основные причины этого — сосредоточение активности ИДУ в северо-восточных районах Пакистана,

базирование там его главных сил и плотное сотрудничество с пакистанским Талибаном.

Вместе с ИДУ во вторжении в Центральную Азию может принять участие СИД, отколовшийся от ИДУ в 2001-м или в 2002 г. В отличие от ИДУ, которое на протяжении прошлого десятилетия все более концентрировалось на проблемах Пакистана и Афганистана, СИД ориентирован на террористическую деятельность в Узбекистане, других странах Центральной Азии и даже Германии²⁹. Численность его неизвестна, но, похоже, в нем участвуют не более нескольких сот человек³⁰. По оценке Н.А. Мендковича, общее число членов ИДУ и СИД составляет до 4 тысяч человек, при этом «большинство добровольцев прибывает (в Афганистан не из Узбекистана, а — Ю. Ф.) из других стран и регионов, включая Россию и Западную Европу. Также велико число боевиков-афганцев из числа этнических узбеков и таджиков»³¹. К потенциальным союзникам ИДУ по вторжению в Центральную Азию относится ИДВТ, известное так же как Исламская партия Туркестана. ИДВТ, созданное в начале 1990-х гг., ведет вооруженную борьбу за независимость Синцзяна, но в последние годы выступает также за широкое сотрудничество с джихадистскими организациями во всей Центральной Азии³². Численность его боевых отрядов оценивается в 500–600 человек³³.

Приведенные оценки численности этих группировок позволяют ориентировочно определить максимальное количество боевиков, которые теоретически могут участвовать во вторжении в Центральную Азию, в 3–5 тысяч человек. Это совпадает с данными афганских источников, считающих, что на стороне талибов в 2013 г. сражалось от 3 до 5 тысяч иностранцев, включая выходцев из стран бывшего СССР³⁴. При этом далеко не все члены ИДУ готовы переместиться в Центральную Азию из ставшей для них привычной *зоны племен* в Северо-Восточном Пакистане. Кроме того, не факт, что СИД, ИДВТ и другие, более мелкие джихадистские группировки готовы действовать под началом ИДУ.

Другой вопрос: каким образом эти группировки могут прорваться из Афганистана в Ферганскую долину. Интервенция в Узбекистан маловероятна. Узбекско-афганская граница вдоль Аму-Дарьи протяженностью 137 км — одна из самых охраняемых в мире, она защищена барьерами из колючей проволоки, минными полями и т. д. Но даже если 3–5-тысячная группировка джихадистских боевиков прорвется на территорию Узбекистана, она будет быстро уничтожена неплохо подготовленной и оснащенной узбекской армией³⁵. Проникновение в Ферганскую долину через обширный малонаселенный Горный Бадахшан также практически исключено. Крупные группировки боевиков могут захватить находящийся близ границы Хорог или иные более мелкие населенные пункты. Однако, для того чтобы затем выйти на границу с Киргизией, их отряды должны будут либо пройти пешком на север несколько сот километров, либо двигаться по Памирскому тракту, соединяющему Хорог с Мургабом. В первом случае, даже если они смогут физически совершить марш-бросок по труднопроходимой высокогорной местности, к концу похода они будут вымотаны до предела и потеряны боееспособность. Во втором случае их перемещающиеся по шоссе автоколонны легко уничтожить авиаударами.

В случае интервенции в южную Хатлонскую область Таджикистана вторгнувшаяся группировка столкнется там не только со слабой таджикской армией, но и с частями российской 201-й военной базы, общая численность которых — около 7,5 тыс. человек. Учитывая географические условия Хатлонской области, мало подходящие для ведения партизанской войны, а также отсутствие у сил вторжения тяжелой техники и авиации, шансов на победу у исламистов нет. Правда, планируемая переброска в Украину 3 тысяч военнослужащих 201-й базы, о которой в конце января 2015 г. сообщили СМИ, может заметно ослабить боевой потенциал российских войск в Таджикистане.

Рисунок 2. Гипотетические маршруты движения исламистских группировок в Ферганскую долину

Наиболее вероятные направления проникновения экстремистских групп из Афганистана в Ферганскую долину

Тем не менее с учетом этого наиболее вероятный, а скорее, единственно возможный способ проникновения джихадистских группировок из Афганистана в Центральную Азию — скрытное движение малыми группами по так называемому восточному маршруту: по линии Тахар–Тавильдара–Гарм, вдоль границы высокогорных массивов Бадахшана, оттуда в Баткенскую и Ошскую области Киргизии и затем в южную часть Ферганской долины.

Это, по сути дела, предопределяет тактику их действий, воспроизводящую модель так называемого *партизанского очага* или *фоко*, изобретенную Че Геварой и европейскими интеллектуалами левого толка. Суть ее в том, что небольшая группа, от нескольких десятков до двух-трех сотен человек, проникает извне на территорию страны, в которой планируется захват власти, создает базу в труднодоступной местности — в горах или джунглях, разворачивает террористические действия, ведет пропагандистскую кампанию среди местного населения, постепенно расширяет контролируемый ею анклав, привлекает к себе население окружающих районов и оппозиционно настроенные элементы из других частей страны и в конечном итоге наносит поражение правительственным силам и захватывает страну. Правда, единственным случаем успешной реализации *фокистской* модели был захват власти в Кубе группировкой Кастро в конце 1950-х гг. Попытки повторить ее в других странах провалились.

Теоретически нельзя исключать, что отдельные, небольшие по количеству группы джихадистов могут по такому маршруту проникнуть из Афганистана в Ферганскую долину. Однако на практике вероятность этого весьма мала. Эти группы неизбежно будут замечены местным населением и, соответственно, блокированы и ликвидированы властями Таджикистана и Киргизии. Если же будет предпринята попытка прорыва из Афганистана относительно крупной группировки боевиков, насчитывающей 3–5 тысяч человек, то ей придется с боями, под ударами авиации пройти пешком несколько сот километров по территории двух стран. Даже если она не будет уничтожена или рассеяна по пути из Афганистана в Ферганскую долину и сможет достигнуть последнюю, ее боеспособность будет равна нулю.

Наряду с таджикско-киргизским маршрутом потенциального проникновения исламистских боевиков из Афганистана в Ферганскую долину в 2014 г. предметом довольно активного обсуждения в экспертной среде в последние месяцы стал *западный* вариант.

Он предполагает вторжение джихадистских отрядов из афганских провинций Фарьяб, Багдис и Джазджан в Туркменистан с целью его дестабилизации, захвата крупнейших месторождений Южный Йолотан и Даулетабад или повреждения газодобывающей инфраструктуры, а также выхода через туркменскую территорию в Сурхандарьинскую и Кашкадарьинскую области Узбекистана. Некоторые публицисты рисуют поистине апокалиптическую картину происходящего на туркмено-афганской границе. Помимо восточного направления, через Киргизию и узбекскую Фергану, по ранее опробованному маршруту наступления на север исламисты готовят для прорыва направление западное — на Туркменистан. Об этом свидетельствует происходящее в приграничных северо-западных районах Афганистана. Например, президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский писал: «Погибли сотни мирных жителей, сожжены десятки домов. Отмечены массовые обезглавливания, ранее не характерные для этого региона. Экспертам это напоминает почерк ИГИЛ. Туркменские пограничники не только несут значительные потери убитыми, но и захватываются исламистами в плен. Можно говорить о зачистке боевиками приграничных районов от местного населения и подготовке оперативных коридоров для прорыва через афгано-туркменскую границу под весеннее наступление 2015 г.»³⁶.

В реальности ситуация выглядит хотя и тревожной, но все же не столь ужасной. Действительно, с начала 2014 г. в пограничных с Туркменистаном провинциях Афганистана активизировались антитуркменские выступления талибов, происходят столкновения между талибами и отрядами самообороны небольших населенных пунктов и деревень, населенных афганцами туркменского происхождения. Были нападения на несколько туркменских пограничных застав. Из-за внезапности нападения туркменские пограничники понесли некоторые потери, размеры которых неизвестны. Ашхабад, естественно, предпринимает меры по укреплению границы: в 2014 г. прошел дополнительный призыв в погранвойска, ряд участков границы огражден колючей проволокой и глубокими рвами. Планируется развернуть системы спутникового и электронного слежения за границы с Афганистаном. Туркменские власти оказывают поддержку отрядам местной самообороны соотечественников в Афганистане.

Вопрос, однако, в том, насколько эти и предполагаемые некоторыми экспертами другие действия талибов опасны для туркменского режима. Игнорировать угрозу возможного вторжения, разумеется, нельзя, особенно имея в виду, что расстояние от границы с Афганистаном до газовых месторождений Южный Йолотан–Осман и Даулетабад в Марыйском веляйте менее 200 километров. Неверно было бы преуменьшать численность накапливающихся вблизи Туркмениста-

Рисунок 3. Возможные направления гипотетического вторжения в Туркменистан

на исламистских боевиков. По некоторым данным, их бадгисская группировка насчитывает несколько сот боевиков³⁷. В Фарьябе осенью 2014 г. действуют около 2 тысяч вооруженных талибов³⁸. Можно предположить, что в Джазджане базируются похожие по численности — от нескольких сот до одной-двух тысяч человек отряды талибов.

Однако, как уже говорилось, пуштунские компоненты этих группировок вряд ли заинтересованы в своем участии во вторжении в Туркменистан. А это значит, что перед вторжением, если оно, разумеется, планируется, разрозненные группы непуштунских элементов должны быть выделены из формирований талибов и сведены в отдельные отряды, что требует времени и достаточно эффективного командования. При этом даже крупные силы вторжения численностью до 1–2 тысяч боевиков не смогут выдержать вооруженного сопротивления с туркменской и, возможно, узбекской армиями. Хотя 26-тысячные туркменские вооруженные силы считаются довольно слабыми по сравнению с армиями Узбекистана и Казахстана, они вполне могут разгромить такую группировку джихадистов, не имеющую ни авиации, ни тяжелой техники.

Главное, однако, в другом. Вторжение из Афганистана в страны Центральной Азии может стать опасным, если оно произойдет в период внутренней нестабильности, если вооруженные силы и органы безопасности окажутся недееспособными в результате раскола в высшем руководстве государства. В этих условиях появление на военно-политической сцене пораженной конфликтом страны нескольких тысяч и даже сотен вооруженных боевиков может оказаться решающим фактором, определяющим исход внутреннего противоборства. Соответственно, возникает вопрос: насколько стабильна военно-политическая ситуация в Центральной Азии?

ПЕРСПЕКТИВЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аналитики и СМИ нередко *по умолчанию* предполагают, что обстановка в Центральной Азии имманентно не стабильна, что там накапливаются предпосылки для социальных взрывов, которыми воспользуются экстремистские группировки. В качестве доказательства часто ссылаются на массовые беспорядки, имевшие место в 2005 г. в Андижане (Узбекистан), в 2010 г. в Оше (Киргизия), в 2011 г. в Жанаозене (Казахстан), в 2012 г. в Хороге (Таджикистан), и на столкновение правительственных войск с группой исламских радикалов в Раштской долине (Таджикистан) в 2010 г., в ходе которой погибли 23 военнослужащих.

Однако эти события не привели к сколько-нибудь заметной дестабилизации положения в Центральной Азии и не поставили под угрозу существующие там режимы. Более того, несмотря на многочисленные прогнозы о надвигающихся гражданских войнах, массовых протестах и тому подобное, режимы сложившиеся в начале 1990-х гг., сразу после краха СССР в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане существуют до сих пор. На протяжении почти 18 лет после окончания гражданской войны у власти в Таджикистане пребывает режим Эмомали Рахмона. Его долголетие обусловлено прежде всего умением поддерживать баланс между различными группировками в госаппарате и вооруженных силах, основанный на контроле над экономическими активами и наркотрафиком. Наименее стабильно положение в Киргизии, где в результате массовых беспорядков были смещены режимы Акаева и Бакиева. Но и в этой стране после 2010 г. политическая система относительно устойчива.

Нельзя не отметить также низкий уровень террористической активности в странах Центральной Азии.

Количество террористических актов в странах Центральной Азии, 1992–2013 гг.³⁹

Страна	1992–2013 гг.	В том числе в 2010–2013 гг.
Казахстан	24	13
Киргизия ^{с)}	24	2
Таджикистан ^{а)}	180	7
Туркменистан	1	0
Узбекистан ^{б)}	20	0
Всего	249	22

^{а)}Без учета войны 1992–1997 гг. ^{б)}По данным узбекских властей. ^{с)}Без учета массовых беспорядков в Оше.

Не вдаваясь в методологию учета террористических проявлений, использованную Global Terrorism Database, данные которой здесь приведены, заметим лишь, что террористическая активность в Центральной Азии в 100 с лишним раз слабее, чем в близлежащих Афганистане и Пакистане, и в 9 раз слабее, чем в России, где число зарегистрированных в этой базе данных террористических актов в 1992–2013 гг. превысило 2000.

Вместе с тем *арабская весна* показала, что кажущиеся прочными авторитарные режимы могут рухнуть совершенно неожиданно. В свете этого вопрос о том, насколько устойчивы режимы в странах этого региона, является открытым. Чаще всего истоки потенциальной нестабильности видят в тяжелом социально-экономическом положении и низком уровне жизни масс, типичных для Центральной Азии. Однако, как свидетельствует опыт многих бедных стран, сам по себе низкий уровень жизни автоматически не приводит к политическим пертурбациям. Пауперизированные слои озабочены прежде всего проблемой выживания, как правило, они деклассированны, деполитизированы и в значительной своей части криминализированы. Они охотно участвуют в беспорядках, но мало способны к осознанным акциям протеста. Такие беспорядки легко вспыхивают, но также легко подавляются вооруженной силой, если только бунтующие массы не организованы и не направляются политическими или преступными группами либо религиозными движениями. При этом от 5 до 6 млн человек, в основном мужчины работоспособного возраста регулярно уезжают из наиболее бедных стран региона в Россию, Казахстан, Турцию и государства Персидского залива на заработки⁴⁰. Это смягчает положение малообеспеченных слоев, но главное — из региона уезжает большая часть тех, кто мог бы составить основную ударную силу массовых выступлений политического характера.

Для того чтобы недовольство властью, вызванное социально-экономическими невзгодами, переросло в политические действия, необходимы организованные структуры, способные предложить понятные массам лозунги и мобилизовать их на борьбу с режимом. В Казахстане, Таджикистане и Киргизии легальная оппозиция на деле сотрудничает с властью, тогда как в Узбекистане и Туркменистане ее просто не существует. Нелегальные организации, прежде всего Хизб-ут-тахрир, Джунд аль-Халифат, ИДУ, СИД, действуют в глубоком подполье, что, естественно, до предела сужает их *зону влияния*. Можно предположить, что в случае серьезного обострения внутривнутриполитической ситуации нелегальные оппозиционные группы выйдут из подполья и попытаются придать массовым протестным выступлениям политическое направление. Однако, для того чтобы вызвать такие выступле-

ния у нелегальных организаций, нет политических, кадровых и организационных ресурсов.

Но главное, события 1989–1991 гг. в бывшем СССР, *цветные революции* в Грузии, Украине и Киргизии, государственный переворот в Киргизии в 2010 г., *арабская весна* показывают, что падение правящих режимов происходит при сочетании двух взаимно стимулирующих друг друга процессов: протестных выступлений населения и раскола правящей элиты, часть которой добивается смены высшего руководства и использует массы для давления на правящую верхушку или ее устранения. Как правило, именно раскол элит, в первую очередь высшего эшелона власти, является ключевым фактором падения режима. Государственный, в том числе репрессивный, аппарат оказывается дезориентирован, ослаблен, а нередко парализован, поскольку бюрократия не знает, какая именно группировка на вершине пирамиды власти в конечном итоге одержит победу. Заметно расширяется свобода действий региональных элит. Прогрессирующая слабость власти стимулирует массовые оппозиционные акции, создает условия для формирования антиправительственных структур или выхода их из подполья и усиления давления на государственные институты.

Иными словами, ключевой фактор потенциальной дестабилизации в Центральной Азии — конфликт в высших эшелонах власти, приводящий к параличу государственного и репрессивного аппаратов. Теоретически такое развитие событий возможно в результате *кризиса престолонаследия* в Казахстане или Узбекистане. В последние несколько лет политологи и журналисты составляют различные списки преемников президентов Назарбаева и Каримова, пытаются угадать или вычислить, кто может претендовать на высший пост в этих государствах. Так, недавно был опубликован очередной *рейтинг преемников* Назарбаева, в котором первые 5 мест поделены нынешний мэр Алматы Есимов, премьер Масимов, председатель КНБ Абыкаев, зять президента Кулибаев и его дочь Дарига Назарбаева⁴¹. В Узбекистане, насколько можно судить по сообщениям экспертов, в будущей борьбе за власть столкнутся шеф Рустам Иноятов и премьер-министр Шавкат Мирзиёев, оба считаются сторонниками сближения с Россией, первый вице-премьер Рустам Азимов и первый заместитель Иноятова Шухрат Гулямов.

Думается, однако, что такого рода рейтинги и списки имеют минимальное значение. История, например, свидетельствует о том, что нередко на высший пост попадали персонажи, шансы которых до момента назначения считались близкими к нулю. Причина проста: если наиболее сильные и перспективные кандидаты не могут быстро договориться друг с другом о разделе постов и сфер влияния в государственном аппарате, они могут выдвинуть считающуюся слабой фигуру, с тем чтобы выиграть время, консолидировать силы и через несколько месяцев прийти к окончательному решению — будь то взаимоприемлемая договоренность или некий *силовой вариант*. Правда, случалось и так, что слабый кандидат оказывался сильным и переигрывал своих конкурентов.

Важно другое. Ни Назарбаев, ни Каримов не могут даже намекнуть, кого они видят в качестве своих преемников. Это сразу же ломает сложившуюся систему сдержек и противовесов, поскольку реальный или потенциальный преемник превращается в мощный центр притяжения, привлекающий к себе верхушечные слои госаппарата, армии и сил безопасности, превращая тем самым действующего лидера в сугубо церемониальную фигуру. Одновременно любые попытки ведущих деятелей узбекского и казахстанского режима достичь закулисных договоренностей относительно преемников Каримова и Назарбаева будут восприняты последними как проявления вопиющей нелояльности и, соответственно, повлекут за собой *организационные выводы* вплоть до самых радикальных. Это является серьезным фактором неопределенности и потенциальной политической нестабильности в этих странах, провоцируя тем самым вмешательство внешних сил со стороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторжение джихадистских группировок из Афганистана, способное серьезно дестабилизировать политическую ситуацию в государствах Центральной Азии, возможно при сочетании нескольких условий, причем каждое из них необходимо: установление контроля талибов над северными афганскими провинциями, поддержка руководством Талибан планов интервенции в соседние страны, накопление вблизи границ с Таджикистаном, Узбекистаном или Туркменистаном отрядов интервенционистских сил и создание там их опорных баз, паралич вооруженных сил и органов безопасности центральноазиатских государств в результате обострения противоречий и конфликтов в их правящей верхушке.

В настоящее время и в обозримом будущем оснований ожидать победы талибов в Афганистане и установления их власти на севере страны нет. Соответственно, не просматривается возможность массированного вторжения оттуда в Центральную Азию. Бессистемные интервенции небольших джихадистских группировок в страны региона исключить, естественно, нельзя, но они не создают реальной угрозы правящим там режимам и легко нейтрализуются их вооруженными силами. Наиболее вероятной, а скорее, единственной причиной дестабилизации этого региона является *кризис престолонаследия* в Казахстане и Узбекистане, но оценить сегодня его перспективу невозможно. Даже сами реальные или предполагаемые претенденты на высшие посты в этих странах не знают, смогут ли они договориться о распределении власти или нет.

Примечания

¹ Единого общепринятого определения границ Центральной Азии и списка входящих в этот регион государств не существует. В этой работе к Центральной Азии отнесены 5 государств, возникших на месте бывших советских республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

² Так, немецкий эксперт по Центральной Азии Михаэль Лаубш считает, что ИГ не ограничивает свои планы только Ираком, Сирией и, возможно, другими арабскими странами. Еще большая ошибка, по его мнению, — недооценивать ее идеологическое влияние на другие регионы, включая Центральную Азию и Кавказ. Это влияние уже ощутимо, особенно в Узбекистане и отчасти в Таджикистане. ИГ демонстрирует умение вести самую широкую пропаганду современными средствами, через социальные сети. Заявления о включении Центральной и Западной Азии в состав будущего халифата поддержали лидеры Пакистанского Талибана и руководитель Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Усман Гази. См.: Проект «Исламское государство» в Центральной Азии: от Ташкента до Баку. *Deutsche Welle* (на русском языке). 2014, 5 сентября, <http://www.dw.de/проект-исламское-государство-в-центральной-азии-от-ташкента-до-баку/a-17904190> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Nelson Dean. Islamic State claims Pakistan and Afghanistan for its 'caliphate'. *The Telegraph*. 2014, 4 September, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/Pakistan/11075390/Islamic-State-claims-Pakistan-and-Afghanistan-for-its-caliphate.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Mehsud Saud and Golovkina Maria. Pakistani Taliban declare allegiance to Islamic State and global jihad. *Reuters*. 2014, 4 October, <http://www.reuters.com/article/2014/10/04/us-pakistan-taliban-id-USKCN0HT0HS20141004> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); ИДУ присоединяется к боевикам ИГИЛ. *ИноСМИ.Ру*. 2014, 8 октября, <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141008/223508732.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³ Интервью министра иностранных дел России С. В. Лаврова кувейтскому информационному агентству КУНА. 18 июня 2013 г., <http://www.mid.ru/BDOMP/brp4.nsf/sps/B60A0F020380821244257B8E002DB4C7> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г., <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

- ⁵ Малашенко Алексей. Интересы и шансы России в Центральной Азии. *Pro et Contra*. Январь-апрель 2013 г. С. 21.
- ⁶ Наумкин В. В., Звягельская И. Д. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Российский совет по международным делам. М., 2013. С. 8.
- ⁷ FATA (Federally Administered Tribal Areas), или *зона племен*, расположена на северо-западе Пакистана между провинцией Хайбер-Пахтунхва и Афганистаном. Большая часть ее контролируется движением Талибан. На *зону племен* не распространяется юрисдикция пакистанских судов. Donnelly Ted. U. S. Army. Fergana as FATA? Central Asia after 2014 — Outcomes and Strategic Options. The Foreign Military Studies Office (FMSO), Fort Leavenworth, Kansas. 2011. P. 13.
- ⁸ Волков Виталий. Война за газ. Туркменская власть очень напугана угрозой вторжения боевиков. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября — 11 сентября, <http://www.novgaz.com/index.php/2-news/1180-война-за-газ> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ⁹ Олимова С. К., Олимов М. А. Проблема 2014 года: взгляд из Центральной Азии / Вызовы безопасности в Центральной Азии. Под ред. И. Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 77.
- ¹⁰ Giustozzi Antonio. The Resilient Oligopoly: A Political-Economy of Northern Afghanistan 2001 and onwards. Afghanistan Research and Evaluation Unit. Issues Paper. December 2012; Tchalakov Mara. The Northern Alliance Prepares for Afghan Elections in 2014. Afghanistan report 10. The Institute for the Study of War. 2013.
- ¹¹ Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan. Report to Congress. The Department of Defense. July 2013. P. 125.
- ¹² Два афганских уезда, граничащих с Таджикистаном, могут перейти под контроль Талибан. *CA-News.org*. 2014, 24 октября, <http://ca-news.org/news:1128801> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ¹³ Estimated Number of Insurgent Forces in Pakistan. In: Sameer Lalwani. Pakistani Capabilities for a Counterinsurgency Campaign: A Net Assessment. New America Foundation, September 2009, http://www.newamerica.net/publications/policy/pakistani_capabilities_counterinsurgency_campaign_net_assessment (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.); Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. Center on Irregular Warfare & Armed Groups (CIWAG). US Naval War College, Newport, RI. 2013. P. 23. Приведенные в этих (и других) источниках цифры приблизительны. Они относятся, насколько можно судить, к активным членам боевых групп Талибана, но не учитывают его скрытых сторонников.
- ¹⁴ Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. P. 20.
- ¹⁵ ANSF состоит из Афганской национальной армии (ANA), Афганской национальной полиции (АНП) и местной полиции (Afghan local police — ALP). ANA насчитывает около 190 тысяч человек, в том числе около 11 тысяч военнослужащих элитных сил специальных операций. ANP — 153 тысячи сотрудников. Она состоит из пограничных частей, общей полиции (Afghan uniformed police) и Афганской национальной полиции общественного порядка (Afghan national civil order police), ответственной за противодействие мятежникам. Местная полиция, насчитывающая весной 2014 г. около 27 тысяч человек, является, по сути дела, силами самообороны деревенских общин. Последние представляют собой взятые на обеспечение МВД вооруженные группы, обычно называемые *militias*, подчиняющиеся местным старейшинам. Developing Afghan security forces. NATO. 10 April 2014, http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_92726.htm?selectedLocale=en (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).
- ¹⁶ В частности в 2013 г. из Талибана выделилась крайне экстремистская группа Исламское движение Фронт федаинов Афганистана (Махаз федаи тахрик ислами Афганистан), совершившая несколько крупных террористических актов. Эта группа, как некоторые ей подобные, отрицает любые переговоры с США и кабульским правительством и находится в оппозиции к руководству Афганского Талибана, официально именуемого Исламский эмират Афганистана, так называемая Шура в Кветте (Quetta shura) во главе с муллой Мухаммедом Омаром, находится вблизи пакистанского города Кветта.
- ¹⁷ Afghanistan in 2013. Survey of the Afghan People. The Asia Foundation. 2013. P. 42.

¹⁸ Schroden Jonathan, Norman Catherine, Meyerle Jerry, Asfura-Heim Patricio, Rosenau Bill, Gilmore Del, Rosen Mark, Mak Daniella, Hutchinson Nicholas. Independent Assessment of the Afghan National Security Forces. CNA. Alexandria, VA. 2014. P. 8.

¹⁹ Giustozzi Antonio. Taliban Networks in Afghanistan. P. 24.

²⁰ К этим организациям, разгромленным в начале 1990-х гг. узбекскими силами безопасности, относятся прежде всего Адолат (Справедливость), Товба (Покаяние), узбекский филиал Исламской партии возрождения, Ислам Лашкорлари (Воины ислама). О создании ИДУ в 1996 г. сообщали многие российские источники. См., например, Михаил Фальков. Исламское движение Узбекистана (ИДУ). *Независимая газета*. 2000, 24 августа, http://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html. В ряде западных источников говорится о возникновении ИДУ в 1998 г. См., например, Stein Matthew. The Goals of the Islamic Movement of Uzbekistan and Its Impact on Central Asia and the United States. Foreign Military Studies Office. U. S. Department of the Army. 2013. P. 2.

²¹ Аскарлов Асет. Исламское движение Узбекистана. История трансформаций. Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. МГУ. 2009, 10 марта, <http://www.ia-centr.ru/expert/4063> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²² Исламское движение Узбекистана (Ozbekistan islami harakati — Islamic movement of Uzbekistan, ИДУ), http://www.xarakterpuctuku.net/?category=people&altname=islamskoe_dvizhenie_uzbekistana_OZBEKISTAN_ISLAMI_HARAKATI__ISLAMIC_MOVEMENT_of_UZBEKISTAN_idu (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²³ Бенсманн Маркус. Они возвращаются? ИДУ идет в Таджикистан и верит в чудо. *Центр Азия*. 2002, 31 июля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1028108760> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Мендкович Никита. Что такое ИДУ? «Расползание» противника. *Новое Восточное Обозрение*. 2012, 22 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1350885060> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁶ Feitt Andrew R. A Military Intelligence officer assigned to 3rd Special Forces Group (Airborne). Countering the IMU in Afghanistan. *Small Wars Journal*. 2010, 11 March, <http://www.smallwarsjournal/jrnl/art/countering-the-imu-in-afghanistan> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁷ Калишевский Михаил. Афганистан: Катастрофы не будет, Талибан может и не вернуться. *ФерганаNews*. 2012, 3 августа, <http://www.ferghananews.com/articles/7440> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁸ Серенко Андрей. Талибан моделирует афганское будущее. POLITRUS. Экспертно-аналитическая сеть. 20 марта 2013, <http://www.politrus.com/2013/03/20/taliban-afganistan> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

²⁹ Центральнoазиатские исламские группировки (цели и задачи). *Хроника Туркменистана*. 2014, 20 апреля, <http://www.chrono-tm.org/2014/04/tsentralno-aziatskie-islamskie-gruppirovki-tseli-i-zadachi> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁰ Мамбетов Нурдин. «Союз исламского джихада»: миф или угроза? Аналитический центр «Разумные решения». 4 января 2010 г., <http://analitika.org/ca/terroroism-separatism/33-20110104004000945.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³¹ Мендкович Никита. Узбекистан и проблемы безопасности Афганистана. *ЦентрАзия*. 2014, 27 октября, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1414426740> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³² Центральнoазиатские исламские группировки (цели и задачи). *Хроника Туркменистана*. 2014, 20 апреля, <http://www.chrono-tm.org/2014/04/tsentralno-aziatskie-islamskie-gruppirovki-tseli-i-zadachi> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³³ Исламское движение Восточного Туркестана (Shark Turkestan Islom Deny harakat9 — Islamic movement of Eastern Turkestan), <http://www.xarakterpuctuku.net/?category=people&>

А
Н
А
Л
И
З

altname=islamskoe_dvizhenie_vostochnoho_turkestana_SHARK_TURKESTAN_ISLON_DINIY_HARAKATI_ISLAMIC_MOVEMENT_of_EASTERN_TURKESTAN (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁴ Мендкович Никита. Постсоветские союзники талибов. *Afghanistan.Ru*. 2013, 16 сентября, <http://www.afghanistan.ru/doc/64205.html> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁵ Вооруженные силы Узбекистана насчитывают 68 тысяч человек, в том числе 40 тысяч в сухопутных войсках. Сухопутные войска состоят из танкового корпуса, 11 моторизованных, 3 воздушно-штурмовых, воздушно-десантной, легкой горной, 4 инженерных, 7 артиллерийских и ракетных бригад. ВВС и ПВО насчитывают более 17 тысяч солдат и офицеров и состоят из одного полка истребителей, полка истребителей-бомбардировщиков, полка штурмовиков, полка военно-транспортной авиации, 2 полков штурмовых и транспортных вертолетов, учебных эскадрилий. Имеется бригада быстрого реагирования численностью в 5 тысяч военнослужащих. Внутренние войска насчитывают 20 тысяч солдат и офицеров МВД составляют 5 бригад, отдельный батальон спецназа «Барс».

³⁶ Сатановский Евгений. Туркменский интерес Исламского государства. *ВПК*. № 37 (555). 2014, 8 октября, <http://www.vpk-news.ru/articles/22159> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁷ Мендкович Никита. Туркменистан в системе афганских угроз. *ЦентрАзия*, 2014, 17 апреля, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1397747160> (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁸ *Источник*: депутат парламента Афганистана от Фарьяба Бешир Ахмет Таянч. См.: Аннаев Джумагулы. Туркменистан укрепляет границу, чтобы в страну не попадали боевики. *Средняя Азия в Интернете*. 2014, 20 октября, http://centralasiaonline.com/ru/articles/caii/features/main/2014/10/20/feature-01?change_locale=true (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

³⁹ Global Terrorism Database, www.start.umd.edu/gtb (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).

⁴⁰ По оценкам Федеральной миграционной службы, в России в 2013 г. находилось около 10 млн иностранных граждан, из них примерно 1,7 млн имеют разрешение на работу. См. Екатерина Егорова, статс-секретарь — первый заместитель руководителя Федеральной миграционной службы России. Нелегальная миграция в России. Российский совет по международным делам. 21 июня 2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.). По экспертным оценкам, около половины всех иностранных граждан, находящихся в России составляют граждане Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. См.: Флоринская Юлия. Масштабы трудовой миграции в Россию. Российский совет по международным делам. 13 сентября 2013, http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.). Кроме того, граждане Туркменистана в значительных количествах работают в Турции и странах Персидского залива, а граждане Узбекистана и Киргизии — в Казахстане.

⁴¹ Рейтинг вероятных преемников президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. *Рейтинг. Kz*. 2014, 31 октября, <http://agencyrating.kz/рейтинг-вероятных-преемников-презид>. (последнее посещение — 24 февраля 2015 г.).